

ПЕРЕВОДЫ XIX ВЕКА РОМАНА «ДЖЕН ЭЙР» ШАРЛОТТЫ БРОНТЕ: ПЕРЕДАЧА ХАРАКТЕРА И ВЗГЛЯДОВ ГЕРОИНИ В ПЕРЕВОДЕ 1849 ГОДА ИРИНАРХА ВВЕДЕНСКОГО

Данная статья посвящена переводу романа «Джен Эйр», выполненному в XIX в., Иринарха Введенского. Цель статьи – определить особенности переводческой рецепции творчества Ш. Бронте в передаче характера и взглядов героини. Автор заключает, что перевод романа «Джен Эйр» Шарлотты Бронте был выполнен с отступлениями от авторского текста, что отражает основные принципы перевода, проповедуемые Иринархом Введенским.

Ключевые слова: Шарлотта Бронте, «Джен Эйр», роман, перевод, XIX век, Иринарх Введенский.

Шарлотта Бронте была чрезвычайно популярна в России во второй половине XIX в., ее произведения многократно переводились, о ней писались статьи. Наша работа посвящена переводу романа «Джен Эйр», выполненному Иринархом Введенским в середине XIX в. Цель статьи – определить особенности переводческой рецепции творчества Ш. Бронте в передаче характера и взглядов героини в сравнении с замыслом автора.

Еще в 1848 г. И. И. Введенский, высылая родным рукопись своего перевода «Джен Эйр», писал, что роман замечательный и что его с жадностью читали в Петербурге [1]. Его перевод вышел в свет в отделении «Словесность» учено-литературного журнала «Отечественные записки» в 1849 г. [2]. Затем публиковался отдельными изданиями в Петербурге и Москве.

В XIX в. роман «Джен Эйр» Коррер Белля (Шарлотты Бронте) был переведен еще несколько раз. В 1857 г. вышли в свет «Дженни Эйр, или Записки гувернантки» в переводе педагога и филолога Софьи Ивановны Кошлаковой в Санкт-Петербурге в издательстве Смирдина [3]. В 1893 г. выходит перевод В. Владимирова «Дженни Эйр (Локвудская сирота)» [4].

Очень часто в статье о жизни и творчестве английской писательницы включались пересказы ее романов. И. Н. Бушканец [5] выделяет среди переводов английских романов середины XIX в. также сокращенные переводы, где оригинальный текст сокращался цензором или самим переводчиком, и переводы-пересказы, не передающие художественного своеобразия, но способствующие популяризации произведения через ознакомление с его содержанием. В самой первой статье «Литературные новости в Англии: Дженни Ир: Автобиография» в журнале «Библиотека для чтения», посвященной роману, в 1849 г. [6] читателю был представлен полуперевод-полупересказ некоторых сцен романа с комментариями автора. В журнале «Современник» в 1850 г. напечатана статья «Джен Эйр, роман Коррер Белля» [7], в которой читателям также предлагается краткий пересказ романа. В дальнейшем та-

кие «дайджесты» романов Ш. Бронте появились на страницах журналов «Библиотека для чтения» в 1852 [8], 1853 [9], 1856 [10] гг. (в статьях А. В. Дружинина) и «Мир Божий» в 1893 г. (одностраничный пересказ романа «Джен Эйр» в переводе В. Д. Владимирова) [11].

Известно шесть пересказов романа «Джен Эйр», в которых освещались основные события романа, а в некоторых встречались и элементы переведенного текста, поэтому мы их и называем переводы-пересказы. В сокращенный перевод, опубликованный в журнале «Современник», были включены фрагменты перевода И. И. Введенского.

Большое количество переводов и пересказов является свидетельством огромного интереса к творчеству Шарлотты Бронте. В период с 1849 по 1857 г. в России были переведены все ее романы.

В середине XIX в. пред- и пореформенная Россия и ранневикторианская Англия находились в сходной ситуации: перед культурами обеих стран стояла задача формирования новой имперской идентичности, в рамках которой сословно-социальные барьеры значили меньше, чем принадлежность к единому национальному сообществу. Как констатировал Б. Андерсон, эта задача, помимо прочего, вызвала к жизни потребность в новой форме романа, заряженного эпическим потенциалом и призванного наглядно показать национальное единство через сплетение судеб представителей разных поколений, сословий [12]. В ранневикторианской Англии классические образцы такого романа дали Ч. Диккенс и У. М. Теккерей, в России – Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев и И. А. Гончаров.

Смена культурных ориентаций отразилась и на переводческих стратегиях, в качестве примера мы можем привести И. И. Введенского, который во время своего путешествия по Европе посетил Францию и остался от нее не в восторге, найдя французов безответственными и несколько «декадентскими» [13, с. 45]. Он хорошо владел несколькими языками, но решил самостоятельно изучить английский, чтобы напрямую обращаться к бри-

танской словесности, с других же языков он переводил лишь литературно-критические и научные статьи. Английскую литературу он считал лучшей в мире (“Human intellect revealed itself in all of its splendor and glory in this literature alone”), а английский роман называл “one of the most brilliant rays in English literature’s shining wreath of glory” [там же].

Иринарх Введенский был не просто переводчиком, он также читал курсы словесности, потому его теоретическая подготовка постоянно совершенствовалась. Выбор И. Введенского пал на самый популярный роман Шарлотты не случайно, при отборе произведений он руководствовался духом времени, и потому выбранные им произведения описывали жизнь общества, решали актуальные проблемы действительности, наиболее насущным из которых был женский вопрос. Переводы И. И. Введенского вызывали серьезную критику современников, но, с другой стороны, отражали сходство исторических ситуаций России и Англии и намечали для русской литературы формы их возможного художественного осмысления. По мнению М. А. Ануфриевой, «переводческая деятельность Введенского была формой его участия в национальном литературном процессе. ...Введенский, переводя известных английских романистов, «создавал» тот самый роман, который он теоретически описал в своих историко-литературных работах, но которого в русской литературе еще не было» [14].

Кроме того, не следует забывать, что время перевода романа «Джен Эйр» совпало с периодом мрачного семилетия (1848–1855), когда наблюдался застой в русской литературе, потому закономерен интерес к литературе иноязычной, в данном случае английской.

О. Р. Демидова [15] проанализировала на лексическом уровне перевод Иринарха Введенского, выделив главную особенность его переводческой стратегии: стремление сделать роман доступным для русского читателя. И. И. Введенский еще при жизни попытался описать методы прозаического перевода: «...при художественном переводе писателя даровитый переводчик прежде и главнее всего обращает внимание на дух этого писателя, сущность его идей и потом на соответствующий образ выражения этих идей. С[о]бираясь переводить, вы должны вчитаться в вашего автора, вдуматься в него, жить его идеями, мыслить его умом, чувствовать его сердцем и отказаться от своего индивидуального образа мыслей. Перенесите этого писателя под то небо, под которым вы дышите, и в то общество, среди которого развиваетесь, перенесите и предложите себе вопрос: какую бы форму он сообщил своим идеям, если б жил и действовал при одинаковых с вами обстоятельствах?» [16].

Следствием такого подхода явилось своеобразие приемов: расширение и сокращение авторского текста [17]. Его часто обвиняли в русификации переводов или, выражаясь современным языком, лингвокультурной адаптации, что, с одной стороны, может быть объяснено неразработанностью темы прозаического перевода в середине XIX в., с другой стороны, читающая публика в основной своей массе не была знакома с реалиями английской жизни, которые по этой причине заменялись на знакомые русские. Кроме того, для него было важно не столько сохранить художественное своеобразие романов, сколько раскрыть их содержательную сторону, в том числе через сближение с реалиями русской жизни. При переводе И. Введенский мастерски пользовался средствами родного языка, ловко меняя регистры, что, несомненно, внесло огромный вклад в развитие русского литературного языка. Переводы Введенского были прорывом в переводоведении середины XIX в.

Перевод Иринарха Введенского романа «Джен Эйр» Шарлотты Бронте мы не можем назвать эквивалентным, так как он не занял то же место в литературе, что и оригинальный текст, что привело к новым попыткам перевода романа в XIX в. Самое первое изменение, сделанное Введенским, – это изменение названия. Роман «Джен Эйр» в переводе именовался «Дженни Эйр», Иринарх Введенский меняет имя главной героини, делая ее знакомой русскому читателю и заставляя последнего сочувствовать героине, ведь незнакомого человека, который не вызывает у нас симпатии, мы не назовем, используя уменьшительно-ласкательные суффиксы или видоизменяя его имя. Кроме того, роман «Джен Эйр» Шарлотты Бронте состоит из 38 глав, последняя из которых – заключение. При переводе Введенский сохранил сюжетную линию, но изменил структуру романа: он разделил его на 5 частей. Первая часть состоит из 10 глав и описывает события до момента выхода Джен Эйр из Ловудской школы, вторая включает семь глав и изображает жизнь Шарлотты в Торнфилде до того момента, когда она понимает, что страстно любит Рочестера, третья – шесть глав – до момента объяснения Джен и Рочестера, четвертая состоит только из четырех глав до побега Джен Эйр из Торнфилда, пятая часть включает в себе 11 глав. Перевод романа печатался отдельными частями, потому именно в такой трактовке русский читатель и знакомился с романом. Введенский разделил роман в соответствии с характером душевных переживаний главной героини, хотя логичнее было бы разделить роман по другому принципу – по месту действия: Гетсгед, Ловудский институт, Торнфилд, Козье болото (перевод И. Введенского) и Мортон, Ферденская усадьба (перевод И. Введенского).

Традиция повествования от первого лица зародилась в эпоху сентиментализма, когда писатели заинтересовались психологией героя. Данная форма романа активно использовалась писателями-реалистами, что способствовало раскрытию психологии героини. Повествование в романе ведется от лица главной героини, что было соблюдено и русским переводчиком. В тексте оригинала наблюдаются обращения автора к читателю, которого она именуется “reader”, “romantic reader” (глава 12) “gentle reader” (глава 27). При переводе было утеряно 11 из 37 обращений, включая “romantic reader”, но было введено 2 обращения, первое к читателю [2, с. 288], второе – к читательнице. Нужно отметить, что английское слово “reader” используется при обращении к читателю и мужского и женского пола, при переводе же Введенский варьирует обращение «читатель» и «читательница». Мы наблюдали подобное расхождение с подлинником в трех случаях.

В главе 27 оригинального произведения автор обращается к читателю “gentle reader”, что соответствует русскому «благосклонный читатель». Введенский при переводе использовал «благосклонная читательница», также при этом изменив и контекст. “Gentle reader, may you never feel what I then felt! May your eyes never shed such stormy, scalding, heart-wrung tears as poured from mine. May you never appeal to Heaven in prayers so hopeless and so agonised as in that hour left my lips; for never may you, like me, dread to be the instrument of evil to what you wholly love” [18]. Дословно это можно перевести следующим образом: «Благосклонный читатель, пусть тебе никогда не придется испытать того, что я испытала! Пусть из твоих глаз никогда не прольются столь горькие, горячие, сжимающие сердце слезы, что катились из моих глаз. Пусть ты никогда не обратишься к Небесам в молитвах столь безнадежных и таких отчаянных, как в тот час сорвались с моих губ, ради того, чтобы ты никогда, как я, не боялся стать орудием зла всему, что ты так сильно любишь».

Для сравнения нам бы хотелось привести перевод Иринарха Введенского: «Благосклонная читательница! Если ты наслаждаешься в эту минуту спокойным приютом в кругу друзей и милых сердцу, благословляй свою судьбу, и дай Бог, чтобы никогда не пришлось тебе испытать того, что испытала на своем веку Дженни Эйр, английская гувернантка, которая еще раз будет иметь честь увидеться с тобой в последней части своих записок» [2, с. 132].

Выражена противоположная идея, что читатель находится в гораздо лучших условиях и должен этому радоваться. Столь подробное сентиментальное описание чувств героини опущено, и Введен-

ский, предвосхищая появление следующей части перевода, рекламирует ее читателю, таким образом полностью меняя настроение произведения.

В следующем примере также очевидно смещение акцентов у Иринарха Введенского: “Reader, do you know, as I do, what terror those cold people can put into the ice of their questions? How much of the fall of the avalanche is in their anger? of the breaking up of the frozen sea in their displeasure?” [18, с. 360]. Подстрочник: «Читатель, знаешь ли ты, как знаю я, какой ужас могут вкладывать эти холодные люди в свои ледяные вопросы? С какой скоростью вас может поглотить снежная лавина их гнева! Как быстро вас поглотит океан их неудовольствия?» Перевод И. Введенского: «Поймешь ли ты, читательница, каким холодным ужасом обдавали меня эти убийственные вопросы? Дело шло более, чем о моей жизни: я должна была отречься от своей личности в пользу фантастических расчетов, чуждых всего, чем привыкла дорожить любящая женщина» [2, с. 290].

Введенский сохранил мотив безразличного отношения Сен-Джона к главной героине, но значительно сократил метафорическое описание его характера Шарлоттой Бронте, заменив их описанием правил поведения женщины в современном ему обществе с его точки зрения.

Следующий пример заключен в последней главе, которая начинается со слов главной героини: “Reader, I married him” [18, с. 392]. Введенский практически полностью передает смысл этого предложения: «Читательница, я вышла за него» [2, с. 326]. Введенский заменил лишь обращение, но это было сделано им не случайно. Как отмечалось ранее, главной заботой женщины в этот период считалось замужество, мысль о котором Введенский и выразил. Борьба за права женщин в России только начала набирать обороты, а Введенский разделял мнение своих современников-мужчин.

Введенский в своем переводе пытался наставить женщин на путь истинный и при работе над текстом изменял оригинал, меняя акценты в авторском тексте: “Yes; I feel now that I was right when I adhered to principle and law, and scorned and crushed the insane promptings of a frenzied moment. God directed me to a correct choice: I thank His providence for the guidance!” [18, с. 314]. Что можно перевести как: «Да, сейчас я понимаю, что была права, когда я приняла общественные правила и законы и не приняла и отвергла безумные желания в сумасшедший момент своей жизни. Бог направил меня на путь истинный. Я благодарю его Провидение за наставления!» Введенский вставил обращение к читательнице: «Читательница, ты можешь думать, что тебе угодно; но я благодарю судьбу, внушившую мне следовать предписаниям чести, общест-

венных постановлений и нравственного долга. Сам Бог навел меня на истинный путь!» [2, с. 233].

Введенский не сохранил при переводе резко негативное отношение героини к порочным желаниям, возникшим в ее голове, но для него гораздо важнее было зарождавшееся движение в России за права женщин, которые изменили отношение к институту брака и зачастую вступали в гражданские браки. Введенский высвечивает существование данного вопроса и наставляет своих читательниц, адресуя свой перевод именно им.

В следующем примере Введенский переводит английское «reader» соответствующим ему русским «читатель», но вносит свои коррективы в повествование: “Do not ask me, reader, to give a minute account of that day; as before, I sought work; as before, I was repulsed; as before, I starved; but once did food pass my lips” [18, с. 287]. Введенский: «Больно мне останавливаться на всех этих подробностях, не имеющих, впрочем, особого интереса для читателя. Я сокращу свой рассказ. В сущности, этот день был повторением предшествовавшего дня. Как и прежде, я искала работы и, как прежде, везде получала отказ. Пища опять один раз прикоснулась к моим губам...» [2, с. 201].

Переводчик заявляет, что подробности будут не интересны читателю и претендует на то, что сократит текст или, следуя за повествованием автора, далее не будет рассказываться о злоключениях героини, но авторский текст он не сокращает и переводит все в полном объеме. Этим он привлекает внимание читателя к несчастьям Джен Эйр и выделяет этот момент из общего хода событий.

Следующая трансформация была сделана переводчиком в 22 главе, когда Джен возвращается в Торнфилд после поездки к тете и Рочестер дразнит ее, рассказывая о приобретении новой коляски: “You must see the carriage, Jane, and tell me if you don’t think it will suit Mrs. Rochester exactly; and whether she won’t look like Queen Boadicea, leaning back against those purple cushions” [18, с. 213]. При переводе он разбивает предложение на два и заменяет аллюзию: «Вам надобно взглянуть на мою коляску, Дженни, и сказать, годится ли она для будущей мистрисс Рочестер. Впрочем, я уверен, коляска вам понравится, и вы найдете, что супруга моя будет в ней казаться блистательной красавицей пераго разряда» [2, с. 250].

В данном примере изменен образ Рочестера, если в оригинале он просто спрашивает мнение Джен Эйр, то в трактовке Введенского он наперед знает ее ответ. Таким образом высвечивается проблема преимущественного положения мужчин в обществе 50-х гг.

Шарлотта Бронте сделала главную героиню некрасивой, чтобы ярче высветить разницу между ее

внутренней красотой и внешней непривлекательностью. В романе постоянно подчеркивается ее внешность: “Such a little toad as that” [18, с. 22], что Введенский перевел как «жаба» [2, с. 192]; “the look of another world” [18, с. 106] – «выходец из другого мира» [2, с. 96]. Введенский адекватно описал внешность Джен и сохранил замысел автора, но его мнение не так однозначно. Его точка зрения по поводу внешней привлекательности женщин становится понятной, когда Введенский дописывает текст в сцене, когда Джен Эйр прибывает в Торнфилд, она идет в свою комнату, чтобы переодеться, и высказывает желание, что ей бы хотелось быть симпатичнее, переводчик передает эту идею и продолжает: «Если мужчине естественно желать быть и умным, и ученым, что мудреного, если девушка, в свою очередь, желает отличаться красотой, которая считается первым благом в цвете ее молодости» [2, с. 73]. Данное изменение текста весьма симптоматично, так как привлекательная внешность действительно имела огромное значение и была единственным требованием, предъявляемым к девушке того времени. Кроме того, в данном примере снова высвечивается проблема неравного положения мужчин и женщин в обществе.

В 17 главе при переводе предложения “He stopped, bit his lip, and abruptly left me” [18, с. 157], которое служит в тексте для демонстрации резких и быстрых действий Рочестера, Введенский изменил ритмический рисунок отрывка: «Мистер Рочестер остановился, закусил губу и, махнув рукой, быстро пошел к своим гостям...». В оригинале действие обрывается, и в конце предложения стоит точка, Введенский изменяет знак препинания многоточием, что означает, что за этим следует продолжение и дописывает: «А я тихонько и нерешительными шагами поплелась в свою одинокую и темную комнатку – разсуждать на досуге и в тишине безмолвной ночи о значении гувернантки в джентльменском кругу» [2, с. 158]. Здесь Введенский значительно изменяет образ героини, которая отнюдь не была забитым человеком, а которая скорее высказала бы свое неудовольствие по поводу положения гувернантки.

Исследование В. В. Чугуновой [19] было опубликовано в Известиях Воронежского педагогического института. Автор заключила, что Шарлотта Бронте пользуется разными лексическими пластами: «приподнятость» стиля достигается за счет книжной лексики, разговорная лексика используется для придания выразительности и эмоциональности, в целях речевой характеристики персонажа используются обиходные слова и выражения, что было обусловлено нормами литературного языка данной эпохи. В. В. Чугунова последовательно доказала, что автор романа в соответствии с нормами

литературного языка первой половины XIX в. предпочитает книжную лексику, которую часто использует для создания иронического эффекта. Так, например, в пятой главе легко одетых детей выводят на улицу на прогулку, и Джен Эйр замечает: “I was similarly equipped” [18, с. 42], что Введенский переводит: «в таком же костюме и я» [2, с. 212], потеряв комический эффект.

Не сохранил Введенский комический эффект и в сцене, когда Сен-Джон спрашивает Джен Эйр о ее прибытии в их дом: “You are a spinster?” [18, с. 302] (Вы старая дева?), хотя главной героине было всего 19 лет, сделав некорректный перевод: «Вы еще девица?» [2, с. 219].

Следующим примером может послужить использование слова “repast”, что соответствует русскому «трапеза». Детей кормят в приюте очень плохо, кусок хлеба с маслом для них праздник, который они вынуждены делить со старшими: “I generally contrived to reserve a moiety of this bounteous repast for myself; but the remainder I was invariably obliged to part with” [18, с. 53]. Введенский не сумел передать ироническое отношение Джен Эйр: «Мне удавалось из этой порции сберечь для себя только половину, а остальная часть неизменно поступала в распоряжение старших» [2, с. 222]. Такой же эффект достигается Шарлоттой и в другой главе, когда детям подают подгоревшую кашу: “I saw a universal manifestation of discontent when the fumes of the repast met the nostrils of those destined to swallow it” [18, с. 39]. Переводчик передал это в крайне редуцированной форме: «При всеобщем обнаружении досады» [2, с. 210].

В целях речевой характеристики в романе используется французский язык, который Введен-

ский сохранил в первоначальном виде при переводе. Примечательно, что в 18 главе Бронте использовала английское “extremes meet” [17, с. 165], что соотносится с русской поговоркой «противоположности сходятся» при описании размышлений Джен Эйр по поводу приезда господина Мезона. Введенский заменил английскую поговорку соответствующей ей на французском языке «les extremes se touchent» [2, с. 190], вероятно, выражая свое отрицательное отношение ко всему французскому.

Имена собственные Введенский переводил весьма вольно. Так, имя главной героини используется в двух вариациях “Jane” и “Janet”, второе звучит из уст Рочестера в минуты, когда они счастливы с Джен, Введенский использует только Дженни, что не передает факт существования двух Джен Эйр в романе: первой – влюбленной в Рочестера и готовой на любые безумства и второй – следующей законам приличия и разума.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что перевод романа «Джен Эйр» Шарлотты Бронте был выполнен с отступлениями от авторского текста, что отражает основные принципы перевода, проповедуемые Иринархом Введенским. В интерпретации Введенского деятельная и решительная девушка превращается забитое и усталое существо. Переводчик меняет название и структуру произведения, что приводит к смещению акцентов в романе, зачастую меняет настроение многих сцен. Наиболее важным изменением является описание переводчиком насущных проблем общества 1850-х гг., таких как неравноправное положение мужчины и женщины, права женщин, ее первые добродетели, отношение к браку.

Список литературы

1. Введенский И. И. по его письмам // Русский архив. 1901. Кн. 2. Вып. 5. С. 117.
2. Бронте Шарлота / Коррер Белль. Дженни Эйр // Отечественные записки. 1849. Т. 64. С. 175–250. Т. 65. С. 67–158, 179–262. Т. 66. С. 65–132, 193–330.
3. Бронте Ш. Дженни Эйр, или Записки гувернантки. Пер. С. И. К...вой. СПб., 1857.
4. Бронте Ш. Дженни Эйр (Локвудская сирота). Роман-автобиография в 2-х частях / пер. В. Д. Владимировой. СПб.: Изд. М. М. Ледерле и К, 1893.
5. Бушканец И. Н. Английский роман и становление принципов реалистического перевода в России // Ученые записки Казан. гос. пед. ин-та. Казань, 1976. Вып. 168. С. 87–95.
6. Литературные новости в Англии: Дженни Ир: автобиография // Библиотека для чтения. 1849. Т. 94. Ч. 2. Апрель. Отд. 7. С. 151–172.
7. Джен Эйр, роман Коррер Белля // Современник. 1850. Т. 21. № 6. Отд. 4. С. 31–38.
8. Дружинин А. Коррер Белль и его два романа “Shirley” и “Jean Eyre” // Библиотека для чтения. 1852. Т. 116. Ч. 2. Декабрь. Отд. 5. С. 23–54.
9. Дружинин А. Коррер Белль и его роман Shirley // Библиотека для чтения. 1853. Т. 117. Ч. 2. Февраль. Отд. 5. С. 17–40.
10. Дружинин А. По поводу Коррер Белля и его романа «Вильет» // Библиотека для чтения. 1856. Т. 141. № 12. Декабрь. С. 93–120.
11. Мир Божий. 1893. № 9. С. 162–165.
12. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. С. 46. (Глава 2. Культурные корни).
13. Friedberg M. Literary Translation in Russia, a Cultural History. University of Pennsylvania Press, 1997. P. 234.

14. Ануфриева М. А. Переводческая деятельность И. И. Введенского как отражение жанрово-стилевого развития русской прозы 1840–1860-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. С. 146–147.
15. Демидова О. Р. О стилистических особенностях первого русского перевода романа Ш. Бронте «Джен Эйр» // Анализ стилей зарубежной художественной и научной литературы. Л., 1989. Вып. 6. С. 163–169.
16. Уильям Мейкпис Теккерей. Творчество. Воспоминания. Библиографические изыскания. М.: Изд-во «Книжная палата», 1989.
17. Володинская С. Б. Индивидуально-авторская мотивация в художественном тексте и ее передача при переводе // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 1998. Вып. 6. С. 14–18.
18. Бронте Шарлотта. Джейн Эйр: роман на англ. яз. [Текст]. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2010. 398 с. English Fiction Collection. С. 280.
19. Чугунова В. В. Некоторые наблюдения над лексикой Ш. Бронте в произведении «Jane Eyre» // Известия Воронежского педагогического института. 1972. Т. 139. С. 202–213.

Сыскина А. А., аспирант.

Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: annesyskina@yahoo.com

Материал поступил в редакцию 29.11.2011.

A. A. Syskina

19TH CENTURY TRANSLATIONS CHARACTERISTICS OF THE CHARLOTTE BRONTË'S NOVEL "JANE EYRE": JANE EYRE'S CHARACTER AND OUTLOOK RENDERING IN IRINARKH VVEDENSKY'S TRANSLATION

The article investigates the question of the Russian translations of Charlotte Brontë's works and the translation of Irinarkh Vvedensky in particular. The objective of the article is to determine the characteristics of the translation reception of the Charlotte Brontë's works in rendering Jane Eyre's character and outlook. The author concludes that the novel was loosely translated that reflects the translation manner of Irinarkh Vvedensky.

Key words: *Charlotte Brontë, Jane Eyre, novel, translation, the 19th century, Irinarkh Vvedensky.*

Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: annesyskina@yahoo.com